

СБОРНИК СТАТЕЙ

**Международной научно-практической
конференции молодых ученых**

**«НУРГАЛИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-Х:
НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
XXI СТОЛЕТИЯ.**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
посвященной 25-летию со дня основания
Евразийского национального университета
имени Л.Н. Гумилёва**

25-26 февраля 2021 года

г. Нур-Султан, 2021

СБОРНИК СТАТЕЙ
Международной научно-практической
конференции молодых ученых
«НУРГАЛИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-Х:
НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ
XXI СТОЛЕТИЯ. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

25-26 февраля 2021 года

г. Нур-Султан, 2021

УДК 80/81

ББК 81.2

Н90

Рецензенты: И. Любоха-Круглик - д.ф.н., профессор (Польша)
Л.Е. Беженару - д.ф.н., профессор (Румыния)

Под общ. ред. - д.ф.н., проф. К.Р.Нургали

Члены редколлегии: д.ф.н., проф. К.Р.Нургали, к.ф.н., проф. Мукажанова Л.Г., маг. Азкенова Ж.К.

Н-90 «Нургалиевские чтения-Х: Научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки»: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25-26 февраля 2021 г., г.Нур-Султан). / Под общ. ред. д.ф.н., проф. К.Р.Нургали. – Нур-Султан: ЕНУ, им.Л.Н. Гумилёва, 2021. – 591 с.

IBSN 978-601-337-505-2

Данный сборник статей состоит из материалов, представленных на юбилейной Международной научно-практической конференции «Нургалиевские чтения-Х: Научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки» (25-25 февраля 2021 г., г.Нур-Султан). Доклады участников этого научного форума представляют собой результаты исследований молодых ученых по литературоведческим и лингвистическим проблемам, а также вопросам современных методик анализа литературных произведений, переводоведения, образования в условиях пандемии. Многоаспектность тем выступлений – свидетельство интересов современных студентов, которые отличаются широким кругозором и высокой научно-методической подготовкой к научным исследованиям.

Участники данной конференции представляют вузы, которые являются многолетними партнёрами по международному академическому сотрудничеству. Так, перед широкой аудиторией выступили студенты, магистранты, докторанты и аспиранты вузов Казахстана, Российской Федерации (г.Москва, г. Казань, г. Таганрог, г. Ставрополь), Польши (г.Катовице), Румынии (г.Яссы), Турции (г. Анкара) и др.

Данный сборник может быть рекомендован обучающимся образовательных программ по филологическим и педагогическим направлениям.

IBSN 978-601-337-505-2

УДК 80/81

ББК 81.2

©ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2021

реципиент анықтайды. Ғылыми-көпшілік мәтіндер реципиентердің ауқымды тобына бағытталған, бірақ мұндай мәтіндер әлі де объективтілікпен және бейтараптықпен сипатталады.

Жоғарыда келтірілген талдаулардан мынадай қортындылар жасалынды:

- Терминдерді аударудағы негізгі әдістер: *транслитерация, транскрипция, калькалау және суреттемелеу*.
- Көпкомпонетті терминдерді аудару кезінде олардың компоненттері арасындағы мағыналық қатынастарды ескеру.
- Пинкер Стивеннің “Тіл - инстинкт” еңбегіндегі баламасыз лексиканы аудару барысында барабар аударма стратегиясы қолданылды.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. Сусименко Е.В. Проблемные аспекты в определении научного термина и его свойств / Е.В. Сусименко, С.В. Рождественская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012 – №1(12). – С. 135-138.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) [Текст] / В.Н. Комиссаров. – М., 1990.
3. Ветрова О.Г. Принципы и практика обнаружения и устранения терминологических несоответствий в научных текстах [Текст] / О.Г. Ветрова, К.К. Гомоюнов // Вопр. методики преподавания в вузе. – Вып. III. – СПб., 2001.
4. Pinker S. The Language Instinct (1994/2007) . New York, NY: Harper Perennial Modern Classics, 2007.
5. Пинкер Стивен Тіл – инстинкт. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2019 жыл. – 386 б. (Аудармашылар: Құрманбайұлы Ш., Абдрасилов Е., Иманбердиева С.)

Аңдатпа: Мақала ғылыми-көпшілік мәтіндердегі терминдердің аудару ерекшеліктеріне тоқталады. Олардың аудару жолдары мен әдістері қарастырылады. Мақаланың практикалық ақпарат көзі ретінде Пинкер Стивеннің “Тіл - Инстинкт” еңбегі алынған.

Түйінді сөздер: термин, баламасыз лексика, ғылыми-көпшілік мәтін.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности перевода терминов в научно-популярных текстах. Исследуются основные методы перевода терминов. Источником практического материала для статьи является работа Пинкера Стивена “Язык как инстинкт”.

Ключевые слова: термин, безэквивалентная лексика, научно-популярный стиль.

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF TERMS IN POPULAR SCIENTIFIC TEXTS

Kabiyeva M.A

undergraduate 2 years of study

ENU, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract: The article studies the features of translation of terms in popular science texts. The main methods of translation of terms are investigated. The source of practical material for this article is Pinker Steven's "The Language Instinct".

Key words: terms, non-equivalent vocabulary, popular science.

СИМВОЛ НЕБА В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»: СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Жаксылыков А.А.

студент 1 курса

ЕНУ, г. Нур-Султан, Казахстан

Интерпретация – (от лат. Interpretation – посредничество) – объяснение, истолкование, раскрытие значения и смысла [8, 8]. В связи с распространяющимся понятием о делении на правильные интерпретации текстов и неправильные многие читатели забывают от истинности любого суждения касательно прочтенного произведения, поскольку прочтение есть субъективное отражение каждого читателя. И потому здесь не может быть правильного и неправильного мнения.

Тем не менее, в повседневной жизни мы должны учитывать массу факторов, которые опровергают данную точку зрения. Во-вторых, каждая личность на разном этапе своего жизненного пути может прочувствовать, что именно хотел сказать автор. И в-третьих, творческая подоплека каждого произведения в отдельности, которая может быть как понята читателем, так и нет.

Авторы интерпретации особую роль уделяли двум основным символам, воспетым в первоисточнике: символу неб и символу кометы. Оба небесных образа имеют свое особенное место в повествовании, а потому нашли отклик в сердцах читателей и зрителей. Интересным фактом для нас становится то, что, несмотря на внешние различия между первоисточником и интерпретациями, символы сохраняют свое первоначальное значение, но уже в другом контексте, тем самым помогая адресанту наиболее полно понять уже современную интерпретацию, тем самым вступая в диалог сразу с несколькими произведениями.

В тексте Толстого мы читаем: «Над ним не было ничего уже, кроме неба, - высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, - подумал князь Андрей, - не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, - совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высоко неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечно неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!...» [1, с. 352].

В данной сцене Л.Н. Толстой как художник, разворачивая невероятного масштаба трагедию, сводит ее к одному единственному персонажу – князю Андрею Болконского, чьими мыслями раскрывает общую трагедию русского народа в Аустерлицком сражении. И потому очень многие современные авторы обратились к этому моменту книги, чтобы через символ неба передать уже собственное мироощущение. И в таком ключе сам образ становится второстепенным, лишь отсылая нас к переживаниям персонажей романа Толстого.

Будучи не просто интерпретацией, а адаптацией романа, сериал, созданный ВВС, не мог обойти стороной эту тему. И здесь возникает ряд аллюзий на описание самого Толстого, из-за чего мы можем выделить это произведение не как вольную трактовку, но как самый приближенный вариант к первоисточнику.

Главной проблемой для передачи текстового оригинала через экранную эстетику становятся ограничения времени и невозможность переноса всех тонкостей мыслей персонажей. Однако именно эта сцена является ключевым моментом во всем описании битвы по Аустерлицем, и потому создатели сериала постарались максимально приблизить к тексту все переживания «экранного» Болконского: «Как тихо и торжественно. Как же не видал прежде этого высокого неба? Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба...» (официальный дубляж).

При этом упор сделан именно на синем и высоком небе в кадре, когда туман, таким образом, зрительные образы становятся основополагающими в данной сцене, намеренно упуская из внимания слуховые, поскольку тишина становится одним из символов обращения героя к Богу.

Туман в таком контексте становится символом грядущего, которое всем обычным солдатам неизвестно. И, как французы проступают сквозь завесу, так и их смерть наступает внезапно.

Обратимся к непосредственному толкованию данного образа.

Изменение, превращение, развитие или сверхъестественное вмешательство – таково значение тумана в некоторых восточных произведениях искусства и в традиционном символизме вообще. Туман символизирует неопределённость, прелюдию к откровению или появлению новых форм, как, например, в обрядах инициации [7]. И тогда туман не просто обволакивает солдат как внешне, так и внутренне, но и знаменует собой «прелюдию к откровению» Андрея Болконского, что станет основой для последующих интерпретаций.

Тем не менее, главным, что проступает сквозь туман, становится небо, уносящее все печали и горести, показывающее все окружающее в истинном свете. Таким персонажем становится Наполеон, который до этого момента являлся кумиром для Болконского. Но теперь это потеряно вместе с мнимыми ценностями, оставив после себя лишь осознание истинности жизни.

Именно это раскрывается в поэме Н. Тугариновой. Однако здесь стоит отметить о вольном трактовании сцены, которая преломляется в призме собственного сознания.

Здесь мы видим:

«О Боже, сколько нам принять мытарств,
Чтоб на земле твое построить Царство?
Я был не прав. У земли на меня нет прав.
Я отрекаюсь от земного бреда – я присягаю небу.

Как много на земле погибших птиц,
Земля чужая забрала их жизни.
И только небо против всех границ –
Я небо родное увидел под Аустерлицем.

Я только в шаге от небесных благ –
Меня зовет мое успокоенье.

Стою в пустыне праведен и наг.
Зачем мне послано опять мое рождение?

Когда б я верить мог, что жизнь моя не зря...
Я не умею плакать и молиться.
Мой путь другой, в исходе ноября
Я в небо высокое падаю под Аустерлицем» [2, с. 54].

Четыре катрена, соединенных перекрестной рифмой, раскрывают не просто мироощущение Болконского во время этой сцены, но детальный филологический анализ преобразования одного из главных героев произведения с точки зрения словесных образов «высокое бесконечное небо» и «слава Богу». Тугаринова представляет это неким откровением в последнем (как думается герою) бою, а потому рифмовка заметна исключительно во время прочтения, поскольку является симбиозом точной и неточной рифм. Автор стремился показать истинность Мысли, зародившейся в самый, казалось бы, неподходящий момент. Никакой торопливости, лишь плавность, мелодичность и некая напевность, переданная чередованием мужской и женской рифм.

Будучи филологом, Н. Тугаринова намеренно избирает подобную форму изложения мысли, чтобы донести образ Бога, видевшегося в образе неба. И если у Толстого небо стало проводником Болконского к Богу, то автор поэмы обращает внутренний монолог героя непосредственно к Всевышнему.

Интересным явлением представляет фанфик «Пред небом Аустерлица» автора Ann Kamju, которая уже в примечании своего произведения указывает на исповедальный характер своего произведения: «Не «под», а именно «пред» небом, потому что исповедь».

Мой прекрасный Андрей Болконский
уже тогда умирал,
запоминая глазами синее небо
Аустерлица.
Я буду вечно носить этот траур
и проклинать этот вычурный бал,
отвергая другие небеса
и очерствелые лица [3].

В продолжении можно рассмотреть фанфик под названием «Огромное небо над Аустерлицем», где главным приемом стал легший в основу троп – олицетворение:

«Вокруг лишь застывшие мертвые лица.
Беспечное небо Аустерлица
Склонилось над полем, недавно плывшим
и красным от крови солдат уставших...» [5].

Главным действующим лицом является небо, охарактеризованное в эпитетах «беспечное», «бескрайнее», «безжалостно». Использованные в своеобразной градации, эти эпитеты дают возможность почувствовать напряженность атмосферы битвы, описанную с точки зрения неизвестного, сложившего свою

голову за Отечество, представленное в образе столицы. Шесть катренов, соединенных внутри смежной рифмой, становятся посмертной одой всем солдатам, павшим на поле сражения. И тогда небо принимается за личного палача каждого, кто пролил кровь под этим солнцем.

Для понимания последних двух рассмотренных стихотворений не нужны знания о романе Толстого, хватит и знаний по всемирной истории. Как нам известно, главные факты, описываемые в 6 главах, посвященных Аустерлицу, были взяты Толстым из книги Михайловского-Данилевского «Описание первой войны императора Александра I с Наполеоном в 1805 году».

Французы, русская пехота,
Тяжелый год, для всей Руси.
Идет смертельная охота –
«Смерть, лучше ты врагов коси!»

...

Рубеж последний – пройден быстро,
И вновь атака – вновь вперед.
Ну а на поле колосистом,
Победы красный мак растет [6].

Отличие же его заключается в том, что образ неба как таковой не присутствует в произведении, однако хронологически он связан со всеми предыдущими интерпретациями, поэтому мы и включили его анализ.

Основным образом становится непосредственно война, вокруг которой главные действующие лица – Наполеон, Александр, Кутузов, Болконский и две армии борются за единственно важную для них вещь – победу. Она представляет перед читателем через символ красного мака.

Интересным для нас становится то, что изначально красный мак представлял собой символ памяти всех погибших в войнах с 1914 года. А здесь он предстает как символ победы, что в корне меняет привычное представление о данном образе. И тогда мы можем сделать вывод, что автор тем самым хотел передать истинную цену победы – гибели сотен солдат.

Благодаря всему вышеперечисленному, мы можем сделать противопоставление разных интерпретаций рассматриваемого образа. Н. Тугаринова указывает на общность всех человеческих ценностей через единственную фразу: «Я небо родное увидел под Аустерлицем», как бы говоря о единстве всех людей, которым не чужда красота и вера в высокое. А в стихотворениях Domellani небо Аустерлица все-таки оттеняет чуждость и этой земли, и всей войны в целом [4].

В связи с этим мы можем произвести некую градацию трактовок символа неба в интерпретациях романа-эпопеи.

Во-первых, это молчаливый собеседник, принимающий исповедь героев. И тогда, обращаясь к книге символов, мы можем указать конкретного собеседника – Бога, ведь небо олицетворяет собой Божий храм.

Во-вторых, это рамочный компонент текста – заглавие – дающий читателям соотнести временные рамки оригинального произведения с интерпретацией, которая становится своеобразным ответом читателя.

В-третьих, это одушевленное существо, берущее на себя вину за кровопролитие, что происходило под его покровом.

Во всех исследуемых интерпретациях мы видим элементы повествования, взятые непосредственно из претекста. Порой, вступая в полемику с Толстым по той или иной проблеме, авторы современных произведений все равно не отходят от общей концепции «Войны и мира», тем самым дополняя целостную картину фэндома.

Вывод, влияние оригинального произведения – несомненно, однако заимствование формально, поскольку речь идет об интерпретировании, где подразумевается собственное переложение сюжетно-фабульной структуры в новую плоскость, а также взгляда на каноничных персонажей у современных авторов. Это позволяет найти как сходства с оригиналом, так и различия в описании.

Так, мы можем классифицировать объекты исследования, распределив в 2 группы: схожих по замыслу с первоисточником и прямо противоположных ему. К первой группе мы, в первую очередь, отнесем экранизацию ВВС 2016 года и проект реп-рок-оперы «Война и мир» в стихах Натальи Тугариновой [2], так как первостепенной задачей перед авторами стояло создание произведения, которое могло бы полностью передать оригинальную задумку Толстого в доступной и актуальной форме. Сюжеты произведений еще не единожды будут повторены в самых различных вариациях и еще не раз повстречается читателям и зрителям в самой невероятной форме.

Список использованной литературы:

1. Толстой Л.Н. Война и мир. Книга 1. Том 1,2. – М.: АСТ, 2015. – 960 с.
2. Тугаринова Н.С. «Война и мир» в стихах. – М.: Ключ. – С, 2012. – 96 с.
3. Ann Kamju. Пред небом Аустерлица. [Электронный ресурс]: книга фанфиков/ Режим доступа: <https://ficbook.net/readfic/607057>
4. Domellanl. Небо Аустерлица. Электронный ресурс: книга фанфиков / Режим доступа: <https://ficbook.net/readfic/3077801>
5. Седой. Огромное небо над Аустерлицем. Электронный ресурс: книга фанфиков / Режим доступа: <https://ficbook.net/readfic/3122295>
6. I_Moriarty. Мак. Электронный ресурс: книга фанфиков / Режим доступа: <https://ficbook.net/readfic/137645>
7. Трессидер Д. Словарь символов. [Электронный ресурс]: книга фанфиков / Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php
8. Матюшкин А.В. Проблемы интерпретации литературного художественного текста. Учебное пособие. – Петрозаводск: издательство КГПУ, 2007. – 198 с.

Аннотация: Авторы интерпретации особую роль уделяли двум основным символам, воспетым в первоисточнике: символу неб и символу кометы. Оба небесных образа имеют свое особенное место в повествовании, а потому нашли отклик в сердцах читателей и зрителей. Интересным фактом для нас становится то, что, несмотря на внешние различия между первоисточником и интерпретациями, символы сохраняют свое первоначальное значение, но уже в другом контексте, тем самым помогая адресанту наиболее полно понять уже современную интерпретацию, тем самым вступая в диалог сразу с несколькими произведениями.

Ключевые слова: символ, роман, интерпретация, образ.

THE SYMBOL OF THE SKY IN THE NOVEL L.N. TOLSTOY "WAR AND PEACE": A MODERN INTERPRETATION

Zhaksylykov A.A.

Student 1st years of study

ENU, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract: The authors of the interpretation gave a special role to two main symbols sung in the original source: the symbol of the sky and the symbol of the comet. Both heavenly images have their own special place in the narrative, and therefore found a response in the hearts of readers and viewers. An interesting fact for us is that, despite the external differences between the original source and interpretations, the symbols retain their original meaning, but in a different context, thereby helping the addressee to understand the modern interpretation more fully, thereby entering into a dialogue with several works at once.

Keywords: symbol, novel, interpretation, image.

АВТОПСИХОЛОГИЗМ В РАССКАЗЕ Ю.КАЗАКОВА «ОСЕНЬ В ДУБОВЫХ ЛЕСАХ»

Иванова Ю.Д.

студентка 3 курса

ТИ имени А.П. Чехова (филиал)

ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог, Россия

j.ivanova01@mail.ru

Научный руководитель - Зотов С.Н.

д.ф.н., доцент

snzotov@yandex.ru

В середине XX века получает развитие лирическая проза, призванная выразить всю глубину переживаний частного человека, индивидуума, в противоположность идеологизированному представлению о мире и человеке. Наиболее значительным автором этого направления является Ю.П. Казаков.

Понятие лирической прозы в литературоведении чаще всего определяется как «произведение любого прозаического жанра, характеризующееся эмоциональной насыщенностью, пронизанное авторским чувством» [2], то есть совокупность формальных и стилистических особенностей произведения. Однако для наиболее полного понимания сути такого литературного явления необходимо определить связанное с ним понятие «лиризм».

Согласно наиболее общему определению, лиризм – это «эстетическая категория, характеризующая особый способ художественного мышления, в котором преобладает сокровенное, личное переживание» [8]. В литературе под лиризмом подразумевается эмоциональность, выражение своего «Я» в творчестве, поэтому чаще всего принято говорить о лиризме в лирике, как наиболее субъективном роде литературы. Некоторые литературоведы даже не разделяли понятия «лиризм» и «лирика», либо первое определялось как свойство второго. Эпос и драма, в таком случае, понимаются как «отверждение, кристаллизация первородного лиризма» [7]. Для лирической прозы такое определение не совсем верно.